

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 103–110, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-103-110
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3+811.512.1'373.423

Aspects of Polysemy in Turkic and Mongolic Languages (Evidence from Kalmyk and Uighur Languages)

Vladimir N. Mushaev ¹, Saifullah N. Abdullayev ²

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: mushaev_vn@mail.ru

² Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Tynystanov Issyk-Kul State University. (Karakol, Kyrgyzstan) E-mail: igu@issyk-kul.kg

Abstract. With evidence from Kalmyk and Uighur languages, the article discusses some features of polysemous lexical forms in the light of modern psycholinguistic approaches and aspects of cognitive linguistics. According to the theory of multilevel values of polysemy, a word is represented as a set of interrelated variants united by one underlying dominant. Depending on the context, the dominant value may be the main and potential ones. The analysis of the linguistic materials confirms the view that lexical and grammatical variations of words and verbal meanings do not exist outside the context and experience of verbal communication. The word and its meaning is considered as a single category, which includes results of analysis of the process of our cognition, while maintaining the units of language tokens and the possibility of different types of expressions in speech. Proceeding from similarities of forms, functions, results, mental associations, etc., the approach allows to determine typological peculiarities of development of polysemy in the examined languages.

The paper analyzes a number of Kalmyk and Uighur linguistic materials and considers the mechanism of interrelation between the meaning and word sense, given that a word is a manifested unity of language and speech, and the polysemy of the word can be described as a set of interrelated variants of forms united by a base dominant. Those can be referred to as a paradigm or embodied standard contexts of the lexeme, and are academically defined as lexical-semantic variants.

Keywords: polysemy, cognitive linguistics, mental association, lexical category of a word, context, dominant, lexical-grammatical variants, typology, the theory of multi-level values

Естественный язык, как известно, отличается способностью непрерывно развиваться, благодаря чему происходят изменения в структуре и семантике языковых единиц на разных уровнях системы языка, в том числе и лексическом. В данном случае нас интересуют такие процессы, которые приводят к развитию многозначности. Под многозначностью (полисемией) обычно принято понимать наличие у одного и того же слова несколько связанных между собой

значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [Арсеньева, Строева, Хазанович 1996: 105; Ахманова 1966: 191; Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 325].

Задачей настоящей статьи является изучение общего и особенного для тюрко-монгольских языков в образовании многозначности в свете современных направлений в общем и частном языкознании.

Не вдаваясь в подробности соотношения структурно-парадигматического и функционально-речевого уровней, следует подчеркнуть, что в языковом значении противопоставлялись устойчивые и вероятные компоненты. Семантика слова на уровне языковой системы характеризовалась полисемией, а функциональное осмысление слова в речи есть реализация составляющих его значений. Однако работы с использованием психолингвистических подходов и когнитивной лингвистики позволяют несколько по-иному рассмотреть данное соотношение. В этом плане справедливо задаться вопросом, насколько правомерно утверждение, что значение слова и его речевой смысл связаны между собой ядерно-периферийными отношениями или они находятся друг с другом в более сложных отношениях.

Современные подходы к изучению проблем представления познавательного опыта человека в системе языка и в речи характеризуются особенностями его передачи через язык социально-групповых и индивидуальных знаний о действительности. Еще в классическом языкознании (Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист) отмечалось, что в речевой деятельности в процессе функционирования языковой знак может приобретать несколько значений, т. е. он многофункционален, хотя не всякое функциональное его осмысление является актуализацией компонентов сигматической структуры [Бенвенист 1974: 241; Убушаева 2014: 964].

Сторонники данной точки зрения, опираясь на многоуровневую теорию значения, предлагают на начальном этапе разграничить семантический и когнитивный уровни представления знаний, это позволяет выяснить, что служит базой человеческого общения и какая часть концептуального содержания фиксируется языковыми значениями [Болдырев 2016: 191].

С семантической точки зрения исследуется структурная характеристика значения и смысла языковых единиц. Когнитивисты предлагают анализировать соотношение языкового значения и концептуального содержания, которое передается отдельным словом в системе языка и в речи. При этом любой лингвистический контекст, о котором говорят семантики, является отражением когнитивного контекста. В качестве контекста для отдельно взятого слова выступает репрезентируемый им концепт / концептуальная структура — определенный фрейм, сценарий, когнитивная матрица. Отсюда

проблема соотношения значения и смысла является результатом взаимоотношения между концептуальным содержанием представляемого языковым значением в системе языка и содержанием концепта, передаваемого речевым смыслом. Языковые значения передают лишь часть наших представлений об окружающем мире. Основная доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур — концептов различной степени сложности и абстрактности. При формировании высказывания в зависимости от цели выделяется конкретный концептуальный признак, результатом которого является выбор конкретных языковых средств явной и скрытой грамматики. Отсюда вывод о том, что лексико-семантические варианты значения слов и речевые смыслы не существуют вне контекстов, вне опыта речевого общения. Многозначность заключается не в многокомпонентности семантической структуры его значения, а в возможности слова передавать разные смыслы за счет реализации разных концептуальных признаков. Слово и его смыслы образуют единую категорию, которая вбирает результаты аналитических процессов познания, сохраняя при этом единство лексемы как единицы языка при многообразии ее проявлений в речи.

Подобный подход к базовым понятиям и системе их взаимоотношений позволит несколько иначе рассмотреть механизм взаимоотношения значения и смысла, а его объект — слово — как результат единства языка и речи [Кубрякова 2004: 331; Чарков 2004: 88]. Многозначность слова можно представить как набор взаимосвязанных между собой вариантов форм, объединенных определенной базовой доминантой. Их можно называть парадигмой или реализацией типовых контекстов для данной лексемы. В литературе их определяют и как лексико-семантические варианты (ЛСВ). Для примера можно взять из калмыцкого языка набор фраз, связанных со словом *буух*:

- 1) *Газрт буух цагла цугтан белн болв* 'Во время посадки все были готовы';
- 2) *Ирсн улс буудг гер* 'Дом для приезжающих людей';
- 3) *Гарһсн гемнь толһа дернь бууһад бэв* 'Вина пала на его голову';
- 4) *Давтад келснэ хөөн цугтан тагчкар куукнд бууж өгв* 'После повторных слов все тихо уступили девушке';
- 5) *Давиулар гүүһад буух* 'Спускаться бегом по лестнице';
- 6) *Чингис хани сартаһул улсиг дээлж*

бууж 'Чингис-хан соизволил возвратиться после завоевания сартагульского народа'.

Значение глагольной формы *буух* 'спускаться' связано со временем и местом посадки, и реализуется оно при наличии в контексте субъекта действия, выраженного одушевленным существительным *цугтан* 'все' связанной глагольной конструкции со значением результата.

Причастная форма *буудг* 'располагающийся' по значению связана с объектом этого действия *гер* 'дом' в винительном падеже, реализуется при наличии в контексте субъекта, замещенного существительным *улс* 'люди' в именительном падеже и признаком этого субъекта, представленного причастно-определяющей формой *ирсн* 'пришедшие'.

Значение деепричастной формы *бууһад* 'опускаться, падать' связано с местом и результатом этого действия, реализуется при наличии позиции следствия, выраженной прямым объектом в форме существительного с притяжением и его причастно-определятельным пояснением.

Глагольная форма *бууж* 'идти на уступки' выступает в значении вынужденного действия, реализуется при наличии в контексте позиции субъекта *цугтан* 'все', позиции объекта, замещенной одушевленным существительным в дательном падеже и позиции причины, выраженной причастной конструкцией с послелогом *хөөн* 'после'.

Значение *буух* 'двигаться, передвигаться' по какой-либо поверхности, реализуется при наличии в контексте вида действия, выраженного глагольной формой *гүүһад* 'бегом' и позицией поверхности, представленной существительным в орудном падеже *давишурар* 'по лестнице'.

В высоком стиле значение возвратного движения после совершения какого-либо действия реализуется при наличии в контексте субъекта действия, выраженного именем собственным Чингис-хан, значения объекта, выраженного одушевленным существительным в винительном падеже с определением *сартагул* 'сартагульские', и позиции следствия, выраженной деепричастной формой *даалж* 'завоевывать'.

Общую характеристику типового контекста данных шести лексикосемантических вариантов можно представить следующим образом:

1) Сущ. дат. п. (-т) — *буух*-сущ. совм. п. (-ла);

2) Сущ. им. п. — *буудг*-сущ. в. п.;

3) Сущ. - послелог притяж.скл. (-нь) — *бууһад*-вспом. гл. (результатив);

4) Сущ. дат. п. (-д) — *бууж*-вспом. гл. (результатив);

5) Разделит. дееприч. (-эд) — *буух*;

6) Сущ. вин. п.-соед. дееприч. (-ж) — *бууж* (высокий стиль).

На уровне семантической структуры на рассматриваемом примере можно убедиться в том, что четыре варианта из шести связаны категориально-лексическим значением (семой) 'перемещение'; в третьем и четвертом примерах данное значение является потенциальным, т. е. каждое отдельное значение так или иначе связано с другими и при этом отличается от любого из других составом компонентов, образующих его содержание. Для проверки данных положений обратимся к лексико-семантическим вариантам многозначности в тюркских языках. Обратимся к уйгурскому слову *тартмақ*. У него можно насчитать около десяти значений. Это могут быть, в частности, *колини тартмақ* 'тянуть руку'; *бэл бағ тартмақ* 'затянуть пояс'; *капигим тарттип туриду* 'у меня подергивается веко (плохое предчувствие)'; *таразига тартмақ* 'взвешивать на весах'; *жазага тартмақ* 'привлекать к ответственности, наказывать'; *көлини тартмақ* 'привлекать внимание'; *ут тартмақ* 'молоть муку'; *яғ тартмақ* 'выжимать масло'; *аиш тартмақ* 'подавать еду'; *тунга чәмбәр тартмақ* 'натягивать обруч на бочку' и др.

В качестве примера из калмыцкого языка можно привести значения глагола *тэвх* 'ставить, класть'. С ним связано более десяти случаев употребления, например: *дегтр тэвх* 'класть, положить книгу'; *һаран тэвх* 'ставить подпись, подписаться'; *шин наад тэвх* 'ставить новую пьесу'; *төр тэвх* 'ставить вопрос, обсуждать'; *ахлач тэвх* 'назначить начальником'; *зуна амрлһнд тэвх* 'отпустить на летние каникулы'; *йөрэл тэвх* 'выразить благопожелание'; *мөриг дурнднь тэвх* 'пустить коня вскачь'; *давишуриг эрст хажилһад тэвх* 'прислонить лестницу к стене'; *бир тэвэд уулһх* 'заплакать навзрыд'; *буруһинь тэвж өгх* 'простить'; *гү тэвх кем* 'послеобеденное время (4 часа), отпустить после дойки кобылиц'.

Нетрудно заметить, что во всех случаях наблюдается связь с главным значением, т.е. доминантой. В этих примерах за доминанту принимается значение *тэвх* 'ставить' и *тартмақ* 'тянуть'. Очевидно, что на базе этих мотивирующих значений происходило развитие других значений данных по-

лисемантов [Мушаев, Абдуллаев 2016: 110; Пюрбеев 2015: 386].

В рассматриваемых языках изменение семантики слова может происходить благодаря переносу значений. Такой перенос происходит на основе сходства формы, функций, ассоциаций и т.д. Так, в частности, можно указать на факты переноса значений древних слов в современные языки [Мушаев 2016а: 389; 2016б: 210; 2016в: 244; Пюрбеев 2013: 122] Примеры из уйгурского языка:

сараң ‘скупой, скряга’ — *сараң* ‘безумный, глупый’; *чоғ* ‘блеск, сияние, пламя’ — *чоғ* ‘горящие угли’; *чирақ* ‘светильник’ — *чирақ* ‘маяк’; *оюн* ‘игра’ — *оюн* ‘концерт’ — *оюн* ‘спектакль, представление’; *булбул* ‘соловей’ — *булбул* ‘певец’ — *булбул* ‘поэт’; *пул* ‘деньги’ — *пул* ‘возможности’ — *пул* ‘ресурс’.

Примеры из калмыцкого языка:

аһар ‘воздух, атмосфера’ — *аһар* ‘погода’ — *аһар* ‘сфера, пространство’; *эвэ* ‘мелодия, гармония’ (*иширин ирлэсн эвэ* ‘гармония красок’) — *эвэ* ‘фонема’; *зам* ‘путь’ — *зам* ‘тракт, большая дорога’ — *зам/заман* ‘кухня’ (срав. рус.: тракт — трактир); *нүүдл* ‘кочевка, перекочевка’ — *нүүдл* ‘ход’ (*мини нүүдл* ‘мой ход, шахматы’); *тамһ* ‘тавро, клеймо’ — *тамһ* ‘грамота’ — *тамһ* ‘таможня’; *үүрг* ‘ноша, вязанка, поклажа’ — *өрн-үүрг* ‘долг, обязанности’ — *үүрг* ‘грам. функция’; *күүкд* ‘дети, детвора’ — *күүкд* ‘ребенок’ — *күүкд* ‘девочки, девушки’.

Расширение значения может давать различные семантические варианты. Обратимся к примерам: *кулак* ‘ухо — ушко ведра — колокол музыкального инструмента’; *боғум* ‘сочленение, сустав — поколение — грам. слог’; *тармақ* ‘ветвь, ответвление — геогр. ручеек, рукав — отрог, отрасль, область’; *той* ‘свадьба — праздник’; *нан* ‘хлеб — пропитание’; *айқ* ‘нога — конец — устье’.

Данные примеры иллюстрируют изменение значения первоначального слова в сторону его расширения. Калмыцкие примеры: *бод* ‘крупный скот’ (верблюды, лошади, коровы; срав. *боғ мал* ‘мелкий скот’) — *бод* ‘единица подсчета скота в переводе на голову крупного скота’ (срав. *бод арун* ‘меновая стоимость’, ‘мена’); *бүс* ‘пояс, обрuch’ — *бүс* геогр. ‘зона, пояс’; *диг* ‘порядок, распорядок, режим’ — *диг* ‘итог’; *дуңһра* ‘круг, круглый’ — *суңһерин дуңһра* ‘избирательный округ’; *зэ* ‘пространство, промежуток, место, время’ — *зэ* ‘дистанция, вбирающая пространство’, ‘время’; *үй* ‘поколение’ — *үй* ‘эпоха, период’.

Трансформация значения слова может явиться результатом как расширения первоначальной семантики, так и ее сужения. Это можно видеть на примерах из уйгурского и калмыцкого языков. Например, слово *бак* в древнеуйгурском языке имело следующие значения: а) ‘правитель, бек, князь, господин’; б) ‘муж, супруг’. В современном уйгурском языке сохранилась лишь первая разновидность значения. Другими словами, произошло сужение семантики многозначного слова.

Лексическая единица *хотун* в современном уйгурском языке имеет значение ‘жена, женщина’, тогда как в древнеуйгурском языке данное слово имело следующие значения: а) ‘госпожа, вельможная женщина, дама знатного происхождения’; б) ‘женщина правителя, знатного человека’.

Слово *тәңри* ранее имело ряд значений: а) ‘небо’; б) ‘бог, божество’ в) ‘божественный’; г) ‘повелитель, господин’. Если же обратиться к современному уйгурскому языку, мы наблюдаем использование слова только в значении ‘бог, божество’.

Древнеуйгурское слово *аруқ* употреблялось как полисемант в следующих значениях: а) ‘усталый, утомленный’; б) ‘худой, исхудалый’. В настоящее время в современном уйгурском языке отмечается лишь второе из указанных значений.

Приведем аналогичные примеры из калмыцкого языка: *саң* ‘казна, хранилище, сокровищница’ — устаревшая форма, используется узкое значение: *дегтрин саң* ‘библиотека’, *ухан саң* перен. ‘кладезь мудрости’; *боғд* ‘святейший’, (*хальмг боғд лам* ‘калмыцкий святейший лама’) — *боғд* ‘император, царь’ (эзн *боғд* ‘император, царь’), используется форма: *Боғдо гегэн* ‘верховный лама’ и *Боғд уул* ‘гора Боғдо’; *бөлг* — значения: ‘род, этническая группа’ устарели, а используется *бөлг* ‘часть, глава, раздел’: (*долан бөлгтэ зокъял* ‘произведения из 7 глав’). Слово *гинжэ* имело два значения: ‘кандалы, цепи’ (*гинжэ чөдр* ‘кандалы’) и ‘дужка’ (*суулһин гинжэ* ‘дужка у ведра’) — используется лишь второе; *гөр* ‘подозрение, клевета’ (*хар гөр* ‘ложное подозрение’), ‘надежда, отчаяние’ (*гөр тасрх* ‘перестать надеяться’) — второе значение данной формы не используется; *довтлх* ‘ехать вскачь’, ‘галопировать’ и ‘совершать набег’ (нападать) — второе значение не используется.

Для носителей уйгурского языка в плане развития многозначности характерна такая особенность, как ассоциативное мышление,

которое позволяет, например, объединить наименование родственников вокруг одного члена семьи. Например: *келин* а) 'жена сына', б) 'жена младшего брата', *кейината* а) 'тесть'; б) 'свекор', *кейшана* а) 'теща', б) 'свекровь'. Подобные примеры также встречаются в калмыцком языке:

баз 'свои' (мужья родных сестер): а) 'муж старшей из сестер', б) 'жена старшего брата по отношению к женам младших братьев'; 'невестка (жены родных братьев)';

баав: в дерб. говоре а) 'отец, папа'; б) 'дядя'. В торг. говоре а) 'мама'; б) 'тетя (по отцовской линии)'.

хадм: 'родня по мужу (по жене)'; *хадм эцк*: а) 'свекр', б) 'тесть'; *хадм эк*: а) 'свекровь', б) 'теща'. В связи с приведенными выше примерами из двух языков отметим, что возникающая многозначность в обозначении терминов родства имеет объяснение в исследованиях этнографов. В одну категорию родства объединяются представители двух смежных поколений, и это называется «скользящим» счетом поколений, характерным для многих народов, и в этом смысле уйгуры и калмыки не исключение [Бардаев 1985: 101; Бикбулатов 1983: 245; Голубева 2015а: 181; 2015б: 181; Соссюр 1977: 234; Шагдаров 1971: 155].

Подавляющее число примеров полисемии демонстрирует сходство по функциональной характеристике.

Уйгурские примеры:

ойнимақ а) 'играть', б) 'танцевать', *қиз* а) 'дочь', б) 'девочка, девушка'; *қалмақ* а) 'остаться', б) 'прекращать что-либо делать' (например, *су қалмақ* 'прекращать пить воду'); *ташламақ* а) 'бросать', б) 'оставлять какое-либо занятие'; *қитап* а) 'книга', б) 'Коран'; *язмақ* а) 'писать', б) 'программировать'.

Калмыцкие примеры:

1. Сходство по функции: *белдкл* а) 'приготовление, подготовка', б) 'резерв, запас, заготовка'; *боодг* а) 'связка, сверток, сноп'; б) 'упаковка, плотина, водохранилище'; *боом* а) 'застава, погранпункт'; б) 'преграда, препятствие' (сравн. Боомское ущелье в Киргизии).

2. Сходство по месту: + *бөгс* а) 'зад, задняя часть чего-либо', б) 'корма судна'; *бел* а) 'подножье горы', б) 'платок на поясице' (сравн. *белкүсн* 'поясица', *белкнз* 'средний сын'; *өлгә* а) 'колыбель, люлька', б) перен. 'место происхождения' (*революцин өлгә* 'колыбель революции').

3. Сходство по свойствам материала: *бура* а) 'лоза, прут', б) 'трость'; *дуң* а) 'большая раковина', б) 'музыкальный инструмент из раковины'.

4. Сходство по виду действия: *бүржәннх* а) 'кипеть, хлопотать', б) 'клубиться', в) 'горячиться'; *бүүр* 'кочевье, стоянка; ход' (в шахматах *бүүр кев* 'сделал ход'); *үмгх* а) 'покусать', б) 'мять', в) 'потирать' (*һаран үмгх* 'потирать руки').

Преобладающим способом развития полисемии в уйгурском и калмыцком языках выступает метафорический перенос. При этом типы метафорических переносов накладывают на мысль, что в языковой картине мира двух народов наблюдается тенденция отражать в первую очередь очевидные и функционально непосредственные связи. Примеры из уйгурского языка:

1) метафоры, соотношенные с качественной характеристикой животных: *төрпөк* 'теленек' — 'увалень'; *шир* 'лев' — 'храбрец'; *ийг* 'собака' — 'плохой человек'; *чошқа* 'свинья' — 'грязнуля'; *қой* 'овца' — 'скромный'; *қала* 'корова' — 'неповоротливый человек';

2) эквивалент, связанный со свойством основного значения: *май* 'жир', 'масло' — 'достаток'; *юлтуз* 'звезда' — 'везение'; *қизил* 'красный' — 'красивый' (сравн. поговорку «*Қизиниң қөзи қизилда*» «Взор девушки всегда на красивом»); *мал* 'домашний скот' — 'товар'; *төмүр* 'железо' — 'твердый человек'; *ай* 'луна' — 'красавица';

3) значение лексемы может образовываться с опорой на близость формы: *алма* 'яблоко' — 'грудь' (женская); *тал* 'ива' — 'девичий стан', 'фигура'; *бел* 'спина' — 'хребет горы' (кирг.);

4) многозначные формы лексем в уйгурском языке могут образовываться с учетом и оценочных характеристик: *су* 'вода' — 'жизнь'; *қөз* 'глаз' — 'источник'; *чиш* 'зуб' — 'нервы'.

В калмыцком языке подобный способ образования встречается достаточно широко: *бүлән* а) 'теплый' — 'подогретый', б) 'доброжелательно' — (*бүлән хэләц* 'теплый взгляд'); *зөг* а) 'пчела', б) 'острый', 'заостренный' (жало); *орм* 'место' — 'след', 'отпечаток'; 'пост', 'должность' [Бертагаев 1974: 153; Хонинов 2010: 170; Шагдаров 1974: 195; Шмелев 1973: 113].

В зависимости от контекста возможно последовательное формирование категории калмыцких лексем: *хариш* 'помеха', *холва* 'связь', *хоома* 'ленивый' — от общего к

конкретному значению и наоборот. Первая цепочка: *харш* а) 'препятствие' (трудность); б) с дат. п. несовместимость в словосочетании: анти-, против: *чикнд харш* 'противный для слуха' (антидействие); в). *харш хома* 'саботажник' (вообще против всех);

холва а) 'связь' (вообще), б) 'пути' (животных), в) грам. союз (часть речи);

хоома а) 'нерасторопный' (сам); б) 'небрежный' (в делах); в) 'ненадежный' (во всем).

Подобная последовательная полисемия возможна и по форме действий. Например: *зөвшилх* а) 'разрешить'; б) 'соглашаться'; в) 'визировать' (как следствие); *зүтхх* а) 'спорить'; б) 'настаивать' (на своем); в) 'стараться' (реализовать); *ниилх* а) 'соединяться'; б) 'составлять компанию'; в) 'жить вместе'; г) 'жениться'.

Полагаем, что только при таком подходе можно объяснить тот факт, что семантические парадигмы многозначных слов в каждом толковом словаре имеют свои критерии выделения и количество значений. Точка зрения ученых, определяющих многозначность как один из аспектов вариантных отношений с их семантическими факторами и типологией значений, представляется достаточно интересной, важной и обоснованной.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-04-00304 «Aspects of Ambiguity in Turkic-Mongolian Languages (on Material of Kalmyk and Uighur Languages)».

Литература

- Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 131 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 335 с.
- Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 382 с.
- Бикбулатов Н. В. Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л.: Наука, 1983. С. 240–247.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.
- Голубева Е. В. Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов звучания // Актуальные вопросы филологических наук. Мат-лы III Межд. науч. конф. Казань: Бук, 2015. С. 39–44.
- Голубева Е. В. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц в современном калмыцком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-1 (43). С. 180–182.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Часть речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
- Мушаев В. Н. К теоретическим вопросам создания словаря омонимов калмыцкого языка // Великие евразийские миграции: Мат-лы Межд. науч. конф. (11–14 октября 2016 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016а. С. 387–392.
- Мушаев В. Н. К вопросу о синтаксической омонимии в калмыцком языке // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Межд. науч. конф., посвящ. 75-летию КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2016б. С. 210.
- Мушаев В. Н. О лексико-грамматической многозначности и омонимии // Вестник Исыкульского университета им. К. Тыныстанова. № 41. Каракол, 2016в. С. 243–246.
- Мушаев В. Н., Абдуллаев С. Н. Об изучении синтаксических омонимов на материале монгольских и тюркских языков // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4. С. 109–114.
- Пюрбеев Г. Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 496 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Термины родства и семейно-родственных отношений в памятниках монгольского права XVIII в. «Халха джигурм» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 121–123.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
- Убушаева Б. В. Понятия «язык», «родной», «русский», «калмыцкий» в языковом сознании жителей Калмыкии (по данным анкетирования) // Молодой ученый. Тамбов: Грамота, 2014, № 2 (61). С. 963–965.
- Хонинов В. Н. Калмыцкие зоонимы // Искусство и образование. М.: Международный центр «Искусство и образование», 2010. № 7. С. 167–172.
- Цинциус В. И. К этимологии терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. С. 15–70.

- Чареков С. Л. Лексическая полисемия в эвенкийском и бурятском языках. Ч. I. Имя существительное и прилагательное. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. 132 с.
- Чареков С. Л. Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках. СПб.: Наука, 2004. 104 с.
- Шагдаров Л. Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Проблемы общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. С. 151–159.
- Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 347 с.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
- References**
- Arsenyeva M. G., Stroeva T., Khazanovich, A. P. *Mnogoznachnost' i omonimiya* [Polysemy and homonymy]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1966, 131 p. (In Russ.).
- Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsyclopediya Publ., 1966, 335 p. (In Russ.).
- Bardaev E. Ch. *Sovremennyy kalmytskiy yazyk. Leksikologiya* [Modern Kalmyk. Lexicology]. Elista, Kalm. Book Publ., 1985, 153 p. (In Russ.).
- Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, 448 p. (In Russ.).
- Bertagaev T. A. *Leksika sovremennykh mongol'skikh literaturnykh yazykov* [Vocabulary of modern Mongolic literary languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 382 p. (In Russ.).
- Bikbulatov N. V. *Skol'zyashchiy schet pokoleniy v uralo-altayskikh sistemakh rodstva (po dannym areal'nykh nablyudeniya)* [A clustering count of generations in the Ural-Altai systems of kinship (evidence from onsite observations)]. *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (yazyk i etnos)* [Onsite areal studies in linguistics and ethnography (language and ethnos)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 240–247 (In Russ.).
- Boldyrev N. N. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2016, 232 p. (In Russ.).
- Golubeva E. V. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz glagolov zvuchaniya* [A comparative analysis of sound denoting verbs]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk. Mat-ly III Mezhd. nauch. konf.* [Topical Issues of Philology. Proc. of the 3rd Internat. research conf.]. Kazan, Book Publ., 2015, pp. 39–44 (In Russ.).
- Ubushaeva B. V., Golubeva E. V. *Leksiko-grammaticheskaya kharakteristika frazeologicheskikh edinits v sovremennom kalmytskom yazyke* [Lexical and grammatical characteristic of phraseological units in the modern Kalmyk language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Issues of Theory and Practice). 2015, No. 1-1 (43), pp. 180–182 (In Russ.).
- Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chast' rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: developing knowledge about language. Parts of speech from the cognitive viewpoint. The role of language in world cognition]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, 560 p. (In Russ.).
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. Entsycl. Publ., 1990, 682 p. (In Russ.).
- Mushaev V. N. *K teoreticheskim voprosam sozdaniya slovary omonimov kalmytskogo yazyka* [Compiling a dictionary of Kalmyk homonyms: theoretical issues revisited]. *Mat-ly Mezhd. nauch. konf. «Velikie evraziyskie migratsii», 11–14 oktyabrya 2016 g.* [Proc. of the Internat. scientif. conf. – The Great Eurasian Migrations, 11–14 October 2016]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2016, pp. 387–392 (In Russ.).
- Mushaev V. N. *K voprosu o sintaksicheskoy omonimii v kalmytskom yazyke* [The Kalmyk language: syntactic homonymy revisited]. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeystvie. Mat-ly II Mezhd. nauch. konf. posvyashch. 75-letiyu KIGI RAN* [The Humanities in Southern Russia: International and Regional Cooperation. Proc. of the 2nd Internat. research conf. celebrating the 75th anniversary of the Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS]. Elista, Kalm. Inst. for Humanities (RAS) Press, 2016, pp. 211–212 (In Russ.).
- Mushaev V. N. *O leksiko-grammaticheskoy mnogoznachnosti i omonimii* [On lexical-grammatical polysemy and homonymy]. *Vestnik Issykul'skogo universiteta im. K. Tynystanova* (Bulletin of Tynystanov Issyk-Kul University), No. 41, Karakol, 2016, pp. 243–246 (In Russ.).
- Mushaev V. N., Abdullaev, S. N. *Ob izuchenii sintaksicheskikh omonimov na materiale mongol'skikh i tyurkskikh yazykov* [On the study of syntactic homonyms on the basis of texts in Mongol and Turkish languages]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* (Bulletin of the Kalmyk University), No. 4, Elista, 2016, pp. 109–114 (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. *Issledovaniya po yazykam i kul'ture mongol'skikh narodov* [Mongolian peoples: studies on languages and cultures]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2015, 496 p. (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. *Terminy rodstva i semeynorodstvennykh otnosheniy v pamyatnikakh mongol'skogo prava XVIII v. «Khalkha dzhirum»* [Terms of kinship and family-kinship

- relations in the monument of the Mongolian law XVIII century "Khalkha Dzhiun". *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), No. 3, Elista, 2013, pp. 121–123 (In Russ.).
- Saussure, F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General linguistics]. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977, 695 p. (In Russ.).
- Ubushaeva B. V. *Ponyatiya «yazyk», «rodnoy», «russkiy», «kalmytskiy» v yazykovom soznanii zhitel'ey Kalmykii (po dannym anketirovaniya)* [The concepts of 'language', 'native', 'Russian', 'Kalmyk' in the linguistic consciousness of Kalmykia's residents (evidence from a questionnaire survey)]. *Molodoy uchenyy* (The Young Scientist journal), Tambov, Gramota Publ., 2014, No. 2 (61), pp. 963–965 (In Russ.).
- Khonin V. N. *Kalmytskie zoonimy* [Kalmyk zoonyms]. *Iskusstvo i obrazovanie* (Art and Education journal). Moscow, Iskustvo i Obrazovanie Publ., 2010, No. 7, pp. 167–172 (In Russ.).
- Tsintsius V. I. *K etimologii terminov rodstva* [Etymology of kinship terms revisited]. *Ocherki sravnitel'noy leksikologii altayskikh yazykov* [Altaic languages: sketches on comparative lexicology]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 15–70 (In Russ.).
- Charekov S. L. *Leksicheskaya polisemiya v evenskom i buryatskom yazykakh. Ch. I. Imya sushchestvitel'noe i prilagatel'noe* [Lexical polysemy in Evenk and Buryat languages. Part I. The noun and the adjective]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Press, 2010, 132 p. (In Russ.).
- Charekov S. L. *Semanticheskaya struktura slovoobrazovaniya v russkom i altayskikh yazykakh* [Semantic structure of word formation patterns in Russian and Altaian languages]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 104 p. (In Russ.).
- Shagdarov L. D. *O razvitiy perenosnykh znacheniy v slovakh, obshchikh nekotorym tyurkskim i mongol'skim yazykakh* [On the development of figurative meanings in words shared by some Turkic and Mongolic languages]. *Problemy obshchnosti altayskikh yazykov* [Altaic languages: common features]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 151–159 (In Russ.).
- Shagdarov L. D. *Funktsional'no-stilisticheskaya differentsiatsiya buryatskogo literaturnogo yazyka* [Functional-stylistic differentiation of the Buryat literary language]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1974, 347 p. (In Russ.).
- Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [The problems of semantic analysis of lexis]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p. (In Russ.).

УДК 811.512.3+811.512.1'373.423

Аспекты многозначности в тюрко-монгольских языках (на материале калмыцкого и уйгурского языков)

Владимир Наранович Мушаев¹, Сайфулла Нурмухамедович Абдуллаев²¹ доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mushaev_vn@mail.ru² доктор филологических наук, профессор, Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова (Каракол, Кыргызстан). E-mail: igu@issyk-kul.kg

Аннотация. В статье на материале калмыцкого и уйгурского языков рассматриваются особенности многозначных лексических форм с учетом современных психолингвистических подходов и аспектов когнитивной лингвистики. Согласно теории многоуровневого значения, полисемия слова представляется как набор взаимосвязанных между собой вариантов, объединенных одной базовой доминантой. Доминирующее значение в зависимости от контекста может быть основным и потенциальным. Конкретный лингвистический материал подтверждает точку зрения, в соответствии с которой лексико-грамматические варианты значения слов и речевые смыслы не существуют вне контекстов и опыта речевого общения. Слово и его смысл рассматриваются как единая категория, в состав которой входят результаты анализа процесса нашего познания, при сохранении единицы языка — лексемы и возможности различных видов проявления ее в речи. Данный подход позволил определить типологические особенности образования в изучаемых языках многозначности слов на основе сходства форм, функций, результатов, ассоциаций и т. д.

Ключевые слова: многозначность, когнитивная лингвистика, ассоциация, лексическая категория слова, контекст, доминанта, лексико-грамматические варианты, типология, теория многоуровневого значения